

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ РЕЛИГИИ УЧЕНЫМИ БГУ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Проблема генезиса является одной из наиболее сложных в религиоведении. Ее специфика обусловлена рядом обстоятельств, многие из которых имеют общесоциологический характер. Достаточно указать на такие аспекты, как взаимосвязь этой проблемы с вопросами происхождения и эволюции других форм общественного сознания и общества в целом, а также на значимость ее для практики атеистического воспитания как составной части коммунистического воспитания трудящихся, чтобы уяснить непреходящую ее актуальность. Однако изучение любой проблемы предполагает необходимость ретроспективного анализа, обобщения пройденного пути, подведения итогов. В связи с этим думается, что шестидесятилетний опыт решения вопросов происхождения и ранних форм религии учеными университета является достаточно серьезным, чтобы попытаться его обобщить, реконструировать основные этапы изучения проблемы.

Начало исследований в этой области марксистского религиоведения связано главным образом с именами профессоров БГУ Н. М. Никольского, С. Я. Вольфсона, Р. М. Выдры, С. З. Каценбогена; в послевоенный период их традиции были продолжены В. Н. Перцевым, Г. М. Лившицем, Р. А. Никольской и др. Следует учитывать, что на этапе становления советской социологии попытки анализа проблемы генезиса религии наталкивались на яростное сопротивление богословов и религиоведов-идеалистов, которые, присваивая монопольное право на подобные исследования, по существу лишь запутывали ее, сводя к выяснению ранних верований. Поэтому уже в 1922 году Н. М. Никольский выступил с докладом «Религия как предмет науки», в котором обосновал право науки изучать религию, ибо «религия для науки есть такое же обусловленное явление, как всякое другое явление человеческого общежития». Эта работа Н. М. Никольского с полным правом может быть названа программой его дальнейших научных изысканий. Так, ученый формулирует здесь оказавшуюся плодотворной идею о необходимости сравнительно-исторического анализа языковых систем, причем, в отличие от английского религиоведа М. Мюллера, изучавшего древние литературные источники, профессор БГУ делал акцент на исследовании фольклора, так как «литература есть уже результат классового расслоения, а устное народное творчество восходит еще к эпохе первобытного коммунизма». Дополнив полученные выводы результатами этнографических и археологических находок, писал Никольский, вполне можно объяснить происхождение религии, поскольку «религия первобытного человека вращалась вокруг явлений его повседневной жизни»¹. Установки Н. М. Никольского способствовали формированию теории научного атеизма, определяли «стратегические направления» этой дисциплины, являлись оружием в борьбе с «левыми» оппортунистами (Галактионов, Лунин и др.), считавшими проблемы происхождения и истории религии «буржуазной рухлядью», а их изучение — «копанием в поповской мифологии», «гробокопательством» и т. д.

Критике извращений марксистского учения происхождения сознания А. Богдановым посвятил ряд статей профессор БГУ Р. М. Выдра. Богданов, изучая особенности мышления первобытных людей, отказывал в доверии диалектико-материалистическому методу, заменяя его учением о рефлексах, стремился таким образом «биологизировать» социологию. Р. М. Выдра, выступая на страницах журнала «Под знаменем марксизма», отметил, что исследование жизни первобытных народов, будучи лишь недавно поставлено на научную основу, открывает простор для разнообразных интерпретаций, в том числе и спекулятивных, какой является теория Богданова. Последний строил свою концепцию первобытного сознания на том, что коллективный опыт есть производное механического столкновения индивидуального опыта всех членов рода. Полемизируя с Богдановым, ученый БГУ показал, что «мышление первобытных обществ в первую очередь определяется в гораздо большей степени воздействием общественной организации»². Правда, в рассуждениях самого Р. М. Выдры можно усмотреть некоторые неточности, например, он исходит из констатации уже существующего коллективного опыта, — но ведь последний не есть нечто априорное и неизменное, напротив, он сложился в результате длительной эволюции, причем в этом процессе заметна роль отдельных

индивидуумов. На наш взгляд, эти неточности обусловлены недостаточной разработанностью понятийного инструментария, в частности, диалектики соотношения категорий части и целого.

Вопросы истории первобытной культуры применительно к проблеме происхождения религии рассматривались в статьях профессора БГУ С. З. Каценбогена, выделявшего этнографию среди других дисциплин. С. З. Каценбоген считал Белоруссию настоящим кладом для исследователя истории культуры и религии; он писал о необходимости строго научного и всеохватывающего учения «тайны первобытной Белоруссии», которая до сих пор смотрит на нас в свадьбах и религиозных обычаях, шепчет в сказке, легенде, поговорке, загадочно звенит в народной песне³. Причем, отмечал ученый, процесс эволюции общества может быть реконструирован как с помощью сравнительного метода, так и «метода переживаний», предложенного Э. Тэйлором. Последний метод, однако, следует признать несостоятельным ввиду открывающейся возможности субъективистской интерпретации изучаемых объектов и явлений в ходе его применения.

Отдавая должное деятельности научных сотрудников университета по изучению проблемы происхождения религии в довоенный период, следует заметить, что их достижения могли бы стать более значительными, если бы они на основе анализа трудов классиков марксизма-ленинизма разработали методологию атеизма. В первую очередь это относится к определению ключевых понятий: религии, ее социальной сущности, а также корней (главным образом социальных и гносеологических), без чего решение данной проблемы практически невозможно. К примеру, профессор БГУ С. Я. Вольфсон, автор первого в стране учебника по диалектическому материализму, приводил двенадцать дефиниций понятия «религия», принадлежавших философам-идеалистам, обойдя ставшее ныне общепризнанным в марксистской науке определение Ф. Энгельса⁴. Некоторые обществоведы, в том числе С. З. Каценбоген и С. Я. Вольфсон, оперировали термином «корни религии», однако либо вкладывали в это понятие неадекватное содержание; либо придавали содержанию палиативный характер⁵. Указанное обстоятельство, свойственное, кстати, советской социологии того времени в целом, свидетельствовало о синкретичности религиоведения и тормозило исследования проблемы происхождения религии. Поворот намечался лишь в начале 30-х годов, когда ученые страны стали углубленно изучать теоретическое наследие В. И. Ленина, обогатившего научный атеизм ценнейшими положениями, имеющими принципиальное, методологическое значение. Одним из первых, кто назвал В. И. Ленина «глубоким мыслителем нашей эпохи» и оценил его как философа наравне с К. Марксом, был профессор БГУ Б. Э. Быховский⁶. Позже профессор С. Я. Вольфсон обосновал правомерность и необходимость признания великого мыслителя основателем нового, высшего этапа в развитии научного атеизма⁷.

Овладение марксистско-ленинской теорией учеными университета выразилось в заметной эволюции их мировоззрения, плодотворно сказалось на научном творчестве. Особенно успешно стали разрабатываться вопросы, связанные с возникновением ранних форм религии. Уже в 1933 году Н. М. Никольский, изучая белорусский этнографический и фольклорный материал, обнаружил в нем древнейшие реминисценции «примитивного безрелигиозного мировоззрения»⁸, подтвердив тем самым вывод о наличии безрелигиозного периода в истории общества. Значение этого вывода тем весомее, что некоторые советские ученые, исходя из признания самым древним человеком представителя палеолита и наличия в его сознании элементов религиозности, отрицали возможность безрелигиозного периода⁹. Заключение Н. М. Никольского о том, что зачатки религиозных верований возникают в раннеродовом обществе, согласуется с мнением большинства современных исследователей. Причем вопреки имевшей в 30-е годы широкое распространение анимистической концепции происхождения религии, ученый считал, что «поклонение животным», или культ животных, было, первой формой религии — тотемизмом. Что же касается веры в духов, то она, по мнению Н. М. Никольского, возникла в тотемических коммунах¹⁰. С. Я. Вольфсон, напротив, будучи сторонником точки зрения Г. В. Плеханова, утверждал, что наиболее ранней формой религии был анимизм; в то же время наш обществовед необоснованно сужал базу возникновения тотемизма, сводя ее к страху «первобытного человека перед опасными и грозными представителями животного мира»¹¹. К сожалению,

мысли о наиболее ранних верованиях не нашли в работах С. Я. Вольфсона достаточного обоснования и развития.

Затрагивая вопрос о периодизации возникновения первоначальных форм религии, следует отметить, что в отечественной литературе и в настоящее время нет единой точки зрения на то, в какой последовательности формировались эти верования. Более того, отдельные исследователи вообще полагают, что не только магия, но и анимизм представляют собой лишь структурные элементы религии¹², а некоторые зарубежные авторы, по свидетельству Д. Е. Хайтуна, высказывают такую же мысль и по поводу тотемизма¹³.

Думается, что вопрос исторического приоритета того или иного первобытного верования не является первостепенным при анализе проблемы генезиса религии, поскольку, как верно замечает Д. М. Угринович, общественное сознание в первобытном обществе носит аморфный, слитный, «диффузный» характер¹⁴. Синкретическое сознание членов раннеродовых общин содержит в эмбриональном состоянии черты основных верований, которые затем дифференцируются в специфические формообразования. Тем не менее опыт классификации ранних форм религии по тому или иному принципу заслуживает внимания, так как предоставляет возможность уяснить условия и «механизм» возникновения и эволюции религии как социального явления. Такого рода исследование содержится в монографии доцента БГУ имени В. И. Ленина Р. А. Никольской «Происхождение религии и ее первобытные формы» (Минск: Изд-во БГУ, 1968). Появление фетишизма Р. А. Никольская относит к эпохе мустье, так как у неандертальцев были накоплены определенные «знания» о «значении материальных предметов... о полезных свойствах камня и дерева». Зарождение тотемизма автор связывает с эпохой собирательства и охотой, попутно высказывая оригинальную мысль о причине возникновения табуации тотема как необходимости сохранения исчезающего вида растения или животного. Она полагает, что табу конституируется в эпоху верхнего палеолита, когда на земле уже обитал человек, «в жизни которого социальные закономерности брали верх над биологическими»¹⁵. Признавая анимизм более «запутанным и сложным» верованием, Р. А. Никольская все же делает вывод, что лишь в сознании неолитов верхнего палеолита могли сложиться абстрактные представления, имеющие основой звуковую речь; с другой стороны, мыслительно-речевой аппарат представителя эпохи мустье был еще явно недостаточен для формирования представлений такого уровня.

С удовлетворением констатируя несомненные успехи университетских обществоведов в изучении указанной проблемы в послевоенный период, нельзя не отметить и недостатки. Мало внимания уделялось изучению корней религии. Р. А. Никольская, например, рассматривала социальные предпосылки возникновения религии лишь применительно к классово-антагонистическим формациям, неоправданно элиминируя стихийные силы природы, дошедшие над первобытным человеком¹⁶. Профессор БГУ В. Н. Перцев, игнорируя гносеологические истоки религии, полагал, что материализм якобы требует искать корни религии в «материальных условиях существования человека, а не в ...сознании»¹⁷.

Начиная с середины 60-х годов в университете усиливается внимание к разработке проблем научно-атеистической тематики: в этот период написано немало монографий, защищен ряд диссертаций. В некоторых из них нашла отражение и проблема происхождения религии, дана основательная критика ее немарксистских концепций. Так, в кандидатских диссертациях и монографиях Р. Я. Гребенникова, А. А. Круглова, И. Ф. Рекуца анализировалось творчество соратников В. И. Ленина — Е. М. Ярославского, И. И. Скворцова-Степанова и А. В. Луначарского, которые уделяли немало внимания проблеме происхождения религии и атеизма.

В одной статье сложно осветить большую исследовательскую деятельность философов и историков университета, занимавшихся вопросами генезиса ранних верований, однако даже на основании изложенного можно сделать вывод, что обществоведы БГУ имени В. И. Ленина внесли определенный вклад в разработку и решение проблемы происхождения религии.

¹ Никольский Н. М. Религия как предмет науки. — Минск, 1923, с. 4, 25, 31.

² Выдра Р. «Загадки» первобытного мышления и их разгадка. — Под знаменем марксизма, 1925, № 6, с. 156, 160.

- ¹ Каценбоген С. З. Нарысы па гісторыі першабытнай культуры Беларусі.— Палымя, 1924, № 1, с. 162.
- ² См.: Вольфсон С. Я. Диалектический материализм.— Минск, 1929, с. 421—422.
- ³ Там же, с. 441, 443, 448—449.
- ⁴ Быховский Б. Материализм и диалектика в творчестве В. И. Ленина.— Под знаменем марксизма, 1924, № 2, с. 240.
- ⁵ См.: Вольфсон С. Я. Аб ленинскім этапе ваяўнічага атэізму.— Мінск, 1932, с. 24—25.
- ⁶ Нікольскі Н. М. Жывёлы ў звычайх, абрадах і вераваннях беларускага сялянства.— Працы секцыі этнаграфіі АН БССР. Мінск, 1933, вып. 3, с. 87.
- ⁷ См.: Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии.— Л., 1936, с. 242.
- ⁸ Нікольскі Н. М. Гісторыя. Дакласавае грамадства. Старажытны ўсход. Антычны свет.— Мінск, 1933, с. 45, 46.
- ⁹ Вольфсон С. Я. Диалектический материализм, с. 435.
- ¹⁰ Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие.— М., 1964, с. 29.
- ¹¹ См.: Хайтун Д. Е. Тотемизм: Его сущность и происхождение.— Сталинабад, 1958, с. 6.
- ¹² См.: Угринович Д. М. О специфике религии.— М., 1961, с. 31—32.
- ¹³ Никольская Р. А. Происхождение религии и ее первобытные формы.— Минск, 1968, с. 58, 70.
- ¹⁴ См.: Основы научного атеизма.— Минск, 1967, с. 8.
- ¹⁵ Перицаў У. М. Як узнікла рэлігія.— Мінск, 1958, с. 2—3.

В. А. МИХАЙЛОВ

К АНАЛИЗУ ЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ НАУЧНОЙ ПОЛЕМИКИ

С внешней стороны научная полемика выглядит как сопоставление, сравнение и всестороннее обсуждение нескольких мнений (гипотез, предлагаемых решений, исследовательских программ) по отношению к выдвинутому вопросу. Но, как правило, констатации внешних проявлений совершенно недостаточно, если мы хотим раскрыть внутренние сущностные свойства, чтобы судить о действительном содержании предмета. Для научной полемики важна логическая структура, которая, на наш взгляд, не может быть выявлена, верно зафиксирована и правильно понята без обращения к анализу генезиса научного знания, специфики науки как формы общественного сознания.

Еще Платон обратил внимание на то, что действительное знание связано с пониманием, достигаемым с помощью особого рода познавательной процедуры—объяснения. Не подкрепленное доводами представление он не считал еще знанием, хотя отличал от невежества незнания. «Если нет объяснения, какое же это знание?—писал он.—Но это и не невежество. Если оно соответствует тому, что есть на самом деле, какое же это невежество? По-видимому, верное представление—это среднее между пониманием и невежеством»¹.

Согласно определению Платона, знание (читай: научное знание) достигается лишь в результате рефлексии над верными представлениями, как следствие их понимания и объяснения. Это согласуется с современными воззрениями на сущность науки и ее генезис. В работах советских методологов показано, что само по себе накопление и передача сведений, воплощенных в разного рода рецептах практической деятельности, правилах счета, технологических схемах и т. д., означает только предпосылку науки. Формирование собственно научного знания связано с выявлением способов контроля над ходом, формами, условиями и основаниями процесса познания, с превращением вплетенных в практическую деятельность познавательных средств и норм в предмет специального исследования². Иными словами, научное знание есть не только знание о внешней по отношению к человеку реальности, но и его осознание, т. е. оценка и самооценка, критика и самокритика знания. Таким образом, становление науки с самого начала заключало в себе необходимый полемический компонент.

Критико-рефлексивная деятельность над знанием как совокупностью сведений указанного рода вряд ли могла быть возможна для первобытного сознания. Мнимое всезнание, «эпистемологическое самомнение» первобытного человека³ питалось и определялось его родовым состоянием, он не мог вырваться из рамок родовых представлений и установок, ибо был